
Сергей Лукьяненко
ТАКАЯ РАБОТА

... Парень ты неплохой, только слишком вежливый. Смеешься? А как же иначе, со стариками-то? Ну да, ну да... Хорошо тебя воспитали, это я всерьез говорю. Жаль, не удержишься ты на этой работе, пенсию разносить — не для молодого парня. Это для нас, бабок, ну или для девчонок, что приехали большой город покорять — а он уже весь покорен, только и осталось, что на почту идти работать. Почту-то у нас не любят. Очереди, все стоят, гаджеты копеечные из Китая получают, опять же — рукавички, как всегда, почтальоны из посылки сперли... Смеешься. Значит, знаешь анекдот-то. А я рассказать хотела. Давай посидим минутку-другую, я тебе твою ошибку разъясню. Все ж таки тебе до армии тут работать, а парень ты неплохой, дело хочешь честно делать.

Нет, тебе я и не предлагаю. Молодежь нынче пошла... не курят, не пьют... А я подымлю. Ты на меня посмотри — такая бабка, как я, должна курить. Лучше папиросы, но я терпеть их не могу. Еще с войны. Да не пучь ты глаза, не с той войны! Думаешь, у нас, кроме Великой Отечественной, войн было мало?

Так вот, почему я тебя слишком вежливым назвала. Хочешь знать? Алексей Палыч хотел поскандалить. И когда он тебе начал выговаривать, что купюры все больно новые, видать — фальшивые, он это не от маразма. По-

говорить ему хотелось. Поругаться немножко. Не со зла. От одиночества. А ты сразу извиняться, предлагать деньги поменять... Не этого он хотел. Знает он, что деньги правильные. Он на Гознаке работал. Поваром в столовой. Но все равно фальшивую купюру на раз отличит. Надо было с ним немножко поспорить. Поругаться. Не так, как я стала, ты все-таки молодой, незнакомый. Вежливо. А потом уже дать ему другие купюры. Понял?

Пенсию людям разносить — это тебе не газеты в ящик сувать. Ты для этих стариков да инвалидов — собеседник. Редкий гость. Порой единственное лицо, что они за день видят. Почему они на карточку не хотят пенсию получать? Да потому, что ты пришел — день интересный стал. Если еще парой слов перекинешься, пошутишь, о здоровье спросишь... Дети? А что дети. Дети взрослые. Внуки взрослые. Правнукам неинтересно с ними. Хорошо, если бабка может еще пирожков напечь, на пирожки и правнуки зайдут иногда... а так все планшет да интернет...

Участок у меня большой, а стариков-то немного. Молодой участок. Вот в центре — там к вечеру ноги не держат, еще и дома бывают без лифтов. А здесь все молодежь больше, лет по сорок... смейся, смейся. Это в семнадцать лет всем смешным кажется. Мы уже почти все с тобой прошли, все я тебе показала, одно только дело осталось, но тут надо духу набраться. Уж извини. Бабка снова покурит. Бабка старая, ей никто не указ. Вон там, кстати, я живу. В том доме, высоком. Второй подъезд, пятый этаж, квартира сорок шесть. Лифтов целых два. Через месяц туда мне пенсию принесешь. Ты, кстати, с чем пирожки любишь? «Со всем» — не считается. Ладно, запомню, если склероз не одолеет. К обеду мне пенсию приноси, чаю попьешь с пирожками... Ты спрашивай, я ведь вижу, хочешь спросить что-то. Не стесняйся. Ты теперь почтальон, а у нас свое тайное братство, я тебя еще знакам секретным научу... Ой, ты

бы сейчас себя видел! Шучу я, шучу. Нервничаю, потому и шучу. Ну, спрашивай.

Почему так девочка смотрела... Маленькая, вот и смотрит. Мы же не пенсию принесли. Мама ей не говорит «алименты», мама говорит «денежки от папы». Она прошлый год спрашивала: «А папа сам не придет?» Теперь перестала. Но выходит и смотрит. Вот почему мама ее не хочет на карточку денежки, почему приносить просит, не знаю. Может, для того, чтобы девочка выходила и смотрела. Вот так вот...

Последняя? Да, последняя пенсия осталась. Это Екатерины Герасимовны. Она учительницей была, долго на пенсию не уходила, потом ушли. Ну, как ушли, так почти сразу... и года не прошло. Забывать все стала, по утрам выходила — и в школу... ее иногда назад отводили, а иногда у забора стояла до вечера. Екатерина Герасимовна вчера умерла.

Ну и что? Умерла, да. Информация неофициальная, надо понимать. Поэтому пенсия выписана, надо идти. Вот этот дом. Восьмой этаж. Пойдем потихоньку.

Да, точно. Вчера вечером скорая приезжала.

Нет, надо идти. Сам поймешь, надо. Это недолго.

Звони, так положено. Никого там нет. Родственники с утра были, рылись в пожитках, вдруг что ценное у бабки. Ну, это правильно, нечего так кривиться. Ей уже не нужно. А им жить. И хоронить. Она скромно жила, может, что и отложила на похороны.

Еще раз звони. Положено.

Ну вот, никого. Убедились. А теперь пешком, хорошо, что на восьмом жила, а дом девятиэтажный, у меня вот хуже — этаж пятый, дом в восемнадцать этажей... Нет! Вверх, вверх идем. Да, уверена. Почти. Идем. Нет, нам не к соседям, нам на крышу.

Ну конечно, замок! Сейчас везде замки. Может, и правильно, а то ребяташки любят по крышам лазать. Видишь — открыт. Нет тут ничего странного. Если б, не дай бог, в подвал... тоже открыто было бы.

Давай, лезь первым. Нечего тебе старухе под юбки заглядывать. Лезь, не оглядывайся. Нам недолго. Ох, как колени-то болят от этих лестниц, зачем я, дура старая... Не стой ты столбом. Подвинься.

Ну что ты стоишь-то, рот разинул? Да, это машина. Да, старая. Как я. «Москвич» четырехсотый. «Почта СССР». Раритет? Нет, просто рухлядь. Как я. Почему водителя нет? А ты часто на крышах машины с водителем видишь? То, что он в воздухе висит, крыши не касается, — тебя не смущает?

Ничего. Ничего-ничего. Ты ведь даже не упал и не убежал. Так, зашатался малость. Нечего извиняться. Нам туда. Нам съездить надо. Пенсию отвезти. Ты понимаешь, там, конечно, деньги им не нужны. Только старики — они не сразу это понимают. Видать, нельзя им сразу в разум прийти или в то, что там у них вместо разума... Нервничают они, пугаются. Пенсию ждут. Этот день-то все они ждут, все помнят. Я потому с тобой и вышла, ты для нее человек незнакомый... Не бойся. Мы быстро съездим и вернемся.

Нет. Ничего ты не запомнишь. Вот как будем садиться в машину и как выходить — это останется. И все. А деньги — они никуда не денутся, их обратно сдадим, как положено. Их родные и близкие потом заберут. Нет. Ничегошеньки в памяти не останется. Только ходить будешь так... странно. И улыбаться весь день. Потом пройдет. Ты не жалеяй, что не запомнишь. Иначе бы запомнил, и как в подвал спускаться... а этого не надо, поверь, не надо.

Садись. Ты парень хороший, привыкнешь. А вот я на пятом живу, а дом в восемнадцать этажей, ты уж извини.

Ну, поехали...

Евгений Лукин
ПЫХ — И ТАМ!

Раннее утро. Из-за угла выворачивается динозавр из семейства джипов. Двигается медленно, неуверенно, словно предчувствуя, что жить ему осталось недолго. И ему, и сородичам его, и всему их техноценозу, включая бензоколонки и автосервисы. Грядет Великое Вымирание. Не понадобилось ни астероида, ни вулканов, ни прочих избыточных катастроф — эпоха скончалась тихо, я бы даже сказал, буднично. Собственно, еще не скончалась, но... Какая разница? В любом случае точка невозврата пройдена, и металлическое зверье обречено.

Тротуары раздались до размеров проезжей части, проезжая часть, напротив, съежилась до размеров тротуара. Похоже, с некоторых пор латать ее совсем прекратили. Джип огибает очередную выбоину и робко притирается к высокому (чуть ниже колеса) парапету. Граница резервации. Дальше запретная зона — ровное покрытие, скудно усаженное металлическими круглыми блямбами. Каждая величиною с блюдце и утоплена заподлицо. Асфальт в горошек.

Вроде бы скорая гибель отряда четырехколесных не должна меня сильно огорчать. Был и остаюсь пешеходом. К личному автотранспорту всегда испытывал стойкую неприязнь. А теперь вот гляжу на доживающие свой век тачки — и скорее соболезнаю им, чем злорадствую. Им и их владельцам.

Да, ребята, кончилось ваше время.

Помнится, мама моя, мудрая женщина, говаривала, что в каждом, даже самом преклонном возрасте есть своя прелесть, надо ее просто найти. Наверное, своя прелесть есть и в каждой новой эпохе. Но поначалу непривычно.

Господи, сколько бы мне всего пришлось сейчас объяснять маме! Кстати, занимаюсь этим постоянно. Куда ни посмотрю, обязательно увижу то, чего она не застала. И начинаю мысленно растолковывать, что это такое, откуда взялось. То ли ей, то ли себе самому, то ли кому другому.

* * *

Не знаю, зачем мы должны учить историю, если она нас ничему не учит.

Возьмем для примера авиацию, пассажирский флот или, скажем, железные дороги. Все это, согласитесь, общественный транспорт. Персональные самолеты и яхты — явление относительно редкое, а уж моторисы — и вовсе небывалое. Но автомобили... Как вообще такое могло случиться, чтобы самый распространенный способ перемещения по планете был отдан в частные руки? Сопоставьте количество жертв! Да, авиалайнеры, помнится, бились иногда при посадке, да, поезда сходили порою с рельсов, корабли налетали на рифы. Но рядом с тем, сколько гибло народу на дорогах... На войне меньше гибнут!

Нечто, на мой взгляд, похожее происходит сейчас с телепортацией, достойной преемницей автотранспорта. До летальных исходов пока, слава богу, не доходило ни разу (прогресс, знаете), но травм и скандалов хоть отбавляй. Неужели, внедряя ее в быт, было так трудно учесть ошибки прошлого?

Мы-то, балбесы, как себе все это представляли? Понаставят, думали, на каждом углу будочек вроде приснопамятных телефонов-автоматов: заходишь в нее, набираешь

номер — и оказываешься в аналогичной кабинке, только уже не на краю Спартановки, а где-нибудь, я не знаю, на атлантическом побережье.

Ага, на атлантическом... Размечтались! Каждая тысяча километров в такую копеечку влетает, что провались оно, это побережье! Да и телепортатор без визы не работает...

Никаких, понятно, будочек не возникло. Разработчики (если продолжить аналогию транспортного средства со средствами связи) взяли за образец сотовый телефон.

Бог им судья...

* * *

Стою на краешке тротуара у самого парапета, а тротуар, как я уже упоминал, инкрустирован металлическими дисками размером с блюдце. Мама обязательно бы спросила, что это такое. Крышечки крохотных люков? Нет, мама, не крышечки. Это, видишь ли, приемные устройства, в просторечии — блямбы.

Каждой из них присвоен код. Достает гражданин свой телепортатор (гаджет такой — с виду помесь айфона с планшетом), набирает номер — пых! — и оказывается на нужной ему блямбе, сколь бы далеко она от него ни отстояла. Поэтому во время прогулок лучше держаться от этих железяк подальше. Хожу теперь, как по минному полю.

Страшно вспомнить, что творилось поначалу. Народ обнаглел мгновенно: полтора квартала до места службы — пройди пешком... Нет, телепортирует. Сеть, естественно, перегружена. Набирай номер, не набирай — вечно занято.

Решили увеличить количество блямб. Но это легко сказать! Сколько их нужно наляпать — хотя бы в пределах города? Тысячу? Две тысячи? Сто тысяч? Сколько-то там наляпали... Увеличили вдобавок мощность каждого приемного устройства, расширили финишную зону метров до двух в диаметре, а саму ее разбили на отдельные то-

пы — этикие пяточки, каждому из которых был опять-таки присвоен свой номер. Предполагалось, что уж теперь-то давки не возникнет.

У нас — да чтоб не возникла?

Дело вот в чем: финишируя прямиком на блямбу, притираешься к ней подошвами идеально. А если рядом, то тут еще как повезет. Вокруг-то асфальт, бетон, паркет, то есть пространства, в смысле гладкости далеко не совершенные. Естественно, между подметкой и поверхностью периферийного топа иногда остается зазор, так что лучше особо не расслабляться — ощущение, полагаю, не из приятных, когда обрываешься хотя бы и с миллиметровой высоты. Хуже, если каблуки оказываются чуть глубже уровня. Клиенты жаловались: бьет по пяткам, причем очень даже чувствительно.

Ну и понятное дело, все норовят попасть в серединку, что отнюдь не каждый раз удается. Вот, скажем, набрали двое один и тот же код. Приемное устройство, распределяя кого куда, отдаст предпочтение более продвинутому телику... Ах, да! Мама! Забыл тебе сказать: теликами теперь называют телепортаторы, а телевизор окончательно стал ящиком, хотя давно уже не ящик.

* * *

Нежное чмоки-чмоки автомобильной дверцы — и вскоре из-за глянцево-черной колесной глыбы выглядывает краешек физии. Владелец. Опасливо озирает тротуар. По случаю раннего утра нигде никого. Успокаивается, затем видит меня. Заискивающая улыбка.

— Вот, — произносит он как бы в оправдание. Обходит капот, неловко его оглаживая и похлопывая. — По старинке, знаете...

Переступает парапет и оказывается на тротуаре.

Судя по облику и прикиду, один из тех, кто всю жизнь ездил черт знает на чем и мечтал о крутой тачке, как вдруг

настали иные времена: богатенькие кинулись распродавать автотранспорт — ну и купил по дешевке, а теперь вот не знает, что с этой роскошью делать.

— Хорошая машина, — сочувственно говорю я.

Глаза автолюбителя вспыхивают радостью — встретил родную душу. Оно и понятно: так легко принять товарища по несчастью за единомышленника!

— Очень хорошая! — истово подтверждает он. Тут же спохватывается, тушуетя. — Нет, хлопот, конечно, много, но... — Голос его обретает прежнюю уверенность, а то и воинственность. — А вот на природу, скажем? — с вызовом вопрошает он. — Кинул в багажник мангал, палатку, харч... А с теликами вашими... — испуганно моргает, но, видя, что я понимающе киваю, воодушевляется вновь: — Что туда с теликом прихватишь? Один рюкзачок?..

В целом замечание верное. Сосед рассказывал, у них в дачном поселке всего две блямбы: одна — возле колодца, да еще одна грузовая — на околице. Хотя, говорит, в последнее время с доставкой получше стало: прибывает курьер, шлепает финишную переноску прямо на участке, принимает что ты там заказал — и до свидания.

А водитель совсем осмелел.

— Задолбали портачи! — рубит он напрямик правду-матку. — Уже приткнуться некуда! Вчера, например... — Фраза остается незавершенной. На миг нас легонько толкает воздухом — и в паре шагов (точнехонько на одном из металлических дисков) возникает востроносая костяная старушенция.

И я снова представляю себе, как бы на подобное диво отреагировала моя покойная мама.

В руках у бабуси громоздкий кнопочный телик чуть ли не первого выпуска. Раритет, однако. Знаю я эту модель — работает только в черте города. Редкое барахло. Мы уже такими и не торгуем.

— Ишь, понаставили... — скрежещет прибывшая, завидев джип. — Когда ж вас всех наконец в утиль сдадут?..

Автолюбитель робеет, не знает, как поступить: то ли спрятаться в скорлупу своего транспортного средства, то ли прикинуться простым прохожим вроде меня. Но тут, на его счастье, бабушку отбрасывает на полметра, а на том месте, где она только что стояла, материализуется интеллигентного вида сутулый долговязый старикан с такой же примерно рухлядью в руках.

— Да куда ж вас несет? — вопит старушенция. — Интервал кто соблюдать будет?

Старикан смущен и озадачен.

— А что интервал?.. — оправдывается он сипловатой скороговоркой. — Интервал — пять секунд. Если меньше — ничего бы и не сработало...

— А подождать?

— Так сколько вас ждать? Странная вы какая-то...

На мгновение склока прерывается появлением постового.

— Ну? — со скукой осведомляется он. — И кто кого подрезал?

У этого телик покруче — служебный, относительно продвинутый. Такими мы тоже не торгуем, но совсем по иной причине. Не имеем права.

Утро, должно быть, выпало скучное, без нарушений, раз уж полицейского привлекло столь мелкое происшествие. Обычно подобного рода столкновения фиксируются компьютером и непосредственного вмешательства властей не требуют.

Автовладелец от греха подальше снова перешагивает через парапет и, оказавшись в родной своей резервации, как бы невзначай начинает продвигаться к передней дверце джипа.

Неподалеку на одной из блямб вырастает не по сезону тепло одетый афроамериканец (только его тут не хватало!) и некоторое время лупит zenки на происходящее. Чистый Отелло.

— На машине вам ездить, а не телепортировать!.. — дребезжит старикан.

— А вы — дохлятина старая! — с блеском отбрасывает его бабуля. И ликующе скандирует по слогам: — До-хля-ти-на!

Не слишком ли много старых дохлятин для одного тротуара?

Полицейский пытается призвать обоих к порядку.

— Раша крэйзи... — ошалело бормочет интурист — и вспыхивает. Точнее, даже не вспыхивает — обращается на долю секунды в подобие хрустальной статуи, наполненной бледно-золотистым сиянием. Так, мама, выглядит со стороны момент старта. Еще его называют — пых. Был негритос — и нету. В Америку небось свою ненаглядную подался, оставив на сетчатке моих глаз темный отпечаток. Теперь, куда ни повернись, везде его силуэт.

Джип тем временем издает прощальное чмоки-чмоки, потихоньку отчаливает от парапета и, огибая выбоины, тоже покидает место происшествия.

— А вы свидетель? — оборачивается ко мне блюститель порядка.

— Никакой я не свидетель, — отрекаться я.

— Но вы же рядом стояли!

— Спиной стоял.

— Так, — говорит полицейский. — Номер ваш сообщите.

— Нету, — ухмыляюсь я в ответ.

— Как нету?

— Так, нету. Ни телика, ни номера.

— А как же вы...

— Пешком.

— А... если куда-нибудь далеко?

— А некуда. Вполне доволен своим районом.

— А на работу?

— До работы полтора квартала.